

Гуманитарный терроризм как высшая и последняя стадия асимметричной войны

Б.Н. Кашиников

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

В статье обсуждается проблема гуманитарного терроризма – терроризма, провозглашающего гуманитарные цели и сдержанного в средствах. Этот вид терроризма оправдывает себя возвышенными устремлениями и представляет свои действия как точечные убийства только виновных индивидов. Такой терроризм является продуктом Просвещения, он возник в конце XVIII столетия и прошел по меньшей мере три фазы в своем развитии. Первой из них был классический якобинский террор 1793–1794 гг. Второй – русский индивидуальный террор конца XIX – начала XX вв. Третьей фазой является современная американская война беспилотных летательных аппаратов, именуемых дронами. С точки зрения современной западной теории справедливой войны, этот терроризм морально превосходит не только обычный примитивный терроризм прямолинейных атак на гражданских лиц (такой терроризм может быть не менее справедлив с точки зрения самопровозглашенных целей, но сомнителен с точки зрения средств), но также и современную войну. Террористы такого рода убивают лишь немногих виновных и тем самым преподносят урок другим. Но следует иметь в виду, что гуманитарный терроризм являет собой не только вершину теории справедливой войны, но и войны абсолютной. В его основе лежит ненависть в своем личностном и единичном выражении, которая только и составляет суть абсолютной вражды. Абсолютная враждебность сама по себе может быть неизбежной и даже оправданной, но она предотвращает путь к миру. Мстительная злоба, происходящая из абсолютной вражды, способна создавать свои собственные фантомы справедливости, которые питают войну. Автор заключает, что таким образом создается порочный круг. Логика справедливой войны влечет в направлении гуманитарного терроризма, гуманитарный терроризм влечет в трясину абсолютной вражды. Абсолютная вражда провозглашает справедливость войны.

Ключевые слова: война, терроризм, террор, теория справедливой войны, гуманизм, мораль.

Кашников Борис Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член совета директоров Международного общества военной этики в Европе (Euro-ISME).

bnkashnik@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4412-8802>

Для цитирования: *Кашников Б.Н. Гуманитарный терроризм как высшая и последняя стадия асимметричной войны // Философские науки. 2020. Т. 63. № 1. С. 66–84.*

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-66-84

Humanitarian Terrorism as a Higher and Last Stage of Asymmetric War

B.N. Kashnikov

*National Research University Higher School of Economy,
Moscow, Russia*

Abstract

The article reviews the problem of humanitarian terrorism that is a terrorism of self-proclaimed humanitarian goals and self-inflicted constraints. This type of terrorism justifies itself by lofty aspirations and claims that its actions are targeted killings of guilty individuals only. This terrorism is the product of the Enlightenment, it emerged by the end of the 18th century and passed three stages in its development. The first stage is the classical terror of the Jacobins 1793–1794. The second one is Russian revolutionary terror of the end of the 19th – early 20th centuries. The third stage is the contemporary American warfare waged by the unmanned aerial vehicles, called drones. From the perspective of the contemporary just war theory, this terrorism is not only morally superior to the ordinary primitive terrorism of straightforward attacks on civilians (this terrorism may be no less fair in terms of self-imposed goals, but is doubtful in terms of means), but even contemporary war. Terrorists of this type kill the few but teach a lesson to many. But it must be clearly born in mind that humanitarian terrorism is not only the summit of just war but also the summit of absolute war. It is founded in personal and individual enmity, which makes the core of absolute enmity. Absolute enmity may at times be inevitable and even justified, but it blocks the road to peace. Revengeful spite, stemming from absolute enmity, is capable of creating its own phantoms of justice, propelling the war. The author concludes that the vicious circle is thus completed. The logic of just

war drags in the direction humanitarian terrorism, humanitarian terrorism drags in the mire of absolute enmity. Absolute enmity proclaims just war.

Keywords: war, terrorism, terror, just war theory, humanism, morals.

Boris N. Kashnikov – D.Sc. in Philosophy, Professor of the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; Member of the Board of Directors, International Society for Military Ethics in Europe (Euro-ISME).

bnkashnik@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4412-8802>

For citation: Kashnikov B.N. (2020) Humanitarian Terrorism as a Higher and Last Stage of Asymmetric War. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosoфskie nauki*. Vol. 63, no. 1, pp. 66–84.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-66-84

Я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на себя самого: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц... Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще.

Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы

Введение.

Идея и смысл гуманитарного терроризма

Понятие гуманитарного терроризма не является внутренне противоречивым. Терроризм вообще стремится к гуманитарному самооправданию, и в этом смысле гуманитарен *par excellence*. Сама логика и природа террора построена на «любви к человечеству» [Devji 2008]. Гуманитарный терроризм – это, так сказать, терроризм зрелый, терроризм претендующий на свое собственное моральное достоинство, стремящийся населить сферу универсальной моральной справедливости. Терроризм называется так, а не иначе по той причине, что достигает своих средств посредством нагнетания страха и ужаса на противника. Террор при этом становится неизмеримо более значительным и всеохватывающим, если он навлекается во имя Бога, и террористы обыкновенно верят, что они представляют собой не иначе как карающую десницу Бога или Человечества. Это означает, что режим террора должен быть

обеспечен авторитетом самой морали или кем-то ее представляющим. Гуманитарный террорист – это тот, кто вовлечен в моралистическое насилие. Такой тип насилия нуждается в возвышенном пьедестале более, чем иные. Терроризм как террор систематический и концептуальный может иметь два диаметрально противоположных способа своего выражения. Первый из них прибегает к террору всеобщему, неизбирательному и массовому и тем самым достигает эффекта нагнетания страха. Однако страх может быть достигнут и прямо противоположным способом, а именно, посредством точных и избирательных ударов в отношении исключительно тех, кто считается виновным. Кроме всего прочего, сама точность ударов несет дополнительный устрашающий эффект. Величайший из возможных страхов есть страх перед всемогущим Богом, карающим всякого по заслугам его. Если сравнить эти два лика террора – терроризм неизбирательных нападений и терроризм точечных убийств, – второй действует куда более устрашающе. В обоих случаях для террориста недостаточно просто убить врага. Убийство должно быть провозглашено как справедливое и уничижительное, по возможности, точное. Террористы не только стремятся монополизировать силу морального долженствования, они не в меньшей степени стремятся выносить и приводить в исполнение исключительно «правые» приговоры, и потому всякий раз, когда обстоятельства позволяют, они стремятся наносить удары избирательно и пропорционально. Террористы в силу логики самого террора, если есть такая возможность, нередко стремятся убивать немногих и только виновных, запугивая тем самым остальных.

Не следует удивляться тому, что гуманитарный терроризм представляет собой также и вершину абсолютной войны. Терроризм вообще, вопреки господствующему мнению, неразрывно связан с войной. Гуго Гроций полагал, что война по сути своей складывается из двух частей, первая из них представляет собой силу, вторая – террор¹ [Гроций 1994, 480]. Гроций писал непосредственно под впечатлением ужасной Тридцатилетней войны в Европе, где террор обыкновенно преобладал над силой или военным искус-

¹ В русском варианте дается не совсем верный перевод: «Что же касается способа действия, то насилие и устрашение наиболее свойственны войне». Судя по английскому варианту, это скорее должно было бы переводиться не как «насилие и устрашение», но как «сила и террор» («force and terror» в английском варианте). Действительно, война редко обходится без террора. Хотя это не обязательно терроризм как террор концептуальный и законченный.

ством – игрой стратегии и случая, по выражению Клаузевица. Но и Клаузевиц, который жил в иную эпоху – эпоху Вестфальского мира и регулируемой войны, хотя и полагался больше на военное искусство, отнюдь не исключал террор. Более того, он утверждал, что по логике своей война стремится к эскалации и превращению в войну абсолютную, которая не знает различия между силой и террором. Террор это и есть приглашение в абсолютную войну, а абсолютная война ведется посредством террора. Публичная и регулируемая война XVIII в. обыкновенно велась без всякой личной ненависти между комбатантами. Напротив, она часто сочеталась с уважением к противнику и даже восхищением его мужеством и доблестью. Терроризм неизбирательный, который я буду называть примитивным терроризмом, основывается на ненависти, но эта ненависть еще не имеет законченного, совершенного и полного характера, поскольку это еще безличная ненависть. Даже закладывая бомбу в публичном месте, террорист может желать, чтобы она не сработала, поскольку, не питая личной неприязни к противнику, он не нуждается в убийстве кого бы то ни было. Он стремится донести до сведения свою готовность к решительным действиям, и он пойдет на убийства, если его голос не будет услышан. Если он будет услышан без убийств и взрывов, это еще лучше. Что касается гуманитарного террориста, то он стремится к убийству, причем убийству конкретных и определенных индивидов. Ненависть, как и любовь, это хорошо понимал Достоевский, лишь тогда бывает законченной и явной, когда она распространяется не на абстрактных, а на конкретных лиц. Абсолютная война начинается тогда, когда комбатанты обретают личностную ненависть друг к другу. Личностное становится политическим и наоборот. По этой причине абсолютная война не знает компромисса и примирения. Не может быть примирения с тем, кто проклят. Они могут быть только стерты с лица земли, подобно проказе. На этом этапе, по мнению Клаузевица, политика исчезает, поскольку политика это и есть искусство компромисса и переговоров². Остается чистая вражда и слепая ненависть, хотя убийства могут совершаться

² Это, разумеется, не единственное понимание природы политического. Для Моргентау, например, политика заключена в природе человека и смысл этой природы в стремлении к абсолютной доминации. Для Уолтца она заключена в страхе. Но ни то, ни другое не значит, что политика есть слепая ненависть или страх. Напротив, даже и в стремлении к доминации политика предполагает уважение к противнику, если это только не абсолютная война.

вполне рационально и последовательно. Важно подчеркнуть, что отнюдь не отсутствие морали толкает на абсолютную войну, напротив, это мораль абсолютной и бескомпромиссной ненависти, которая вытесняет мораль компромисса и переговоров. Такая мораль вражды вполне совместима с возвышенными целями и сдержанными средствами «справедливой войны». Гуманитарные прелести теории справедливой войны в виде справедливых целей и сдержанных средств не делают войну менее террористической и абсолютной. Напротив, террор и абсолютная война представляет собой логический исход войны справедливой [Кашников 2019].

По сути своей терроризм представляет собой теорию и практику той стороны войны, которая направлена не на стратегические силовые маневры и игру случая, но на создание всеобщего и подавляющего страха в стане противника. Сделать это, как я уже заметил, можно двумя способами: посредством неизбирательных атак, что сравнительно легко, и посредством высоко избирательных атак исключительно на ключевых индивидов, виновных в провозглашении и ведении войны, что гораздо труднее. В любом из этих случаев терроризм представляет собой насилие, направленное на диалог. Современный терроризм есть продукт Модерна и его смысл заключается в коммуникативном действии. Террор направлен не столько на самое насилие, сколько на резонанс. Враг должен быть уведомлен о нашей готовности к насильственным действиям; мы должны знать, что он знает об этом и он должен знать, что мы знаем, что он испытывает страх. Эта разновидность резонанса, свойственного теории игр, становится возможной лишь при участии средств массовой информации в условиях расцвета автономного кантовского субъекта и демократии. Существуют таким образом две стороны любого терроризма. Одна из них объективная, фактическая сторона. Эта сторона существовала всегда, во все времена, поскольку всегда враг мог быть повергнут не только посредством победы в сражении, но и посредством страха и трепета. Этого достаточно для террора, но недостаточно для Терроризма с большой буквы, терроризма эпохи Модерна. Подлинный террор и подлинное лицо терроризма может открыться только тогда, когда противник знает, что мы готовим террор и мы знаем, что он знает об этом. Это становится возможным, когда терроризм населяет не только фактическую, но субъективную, ценностную и гуманитарную сферу. Подлинный терроризм современности – это субъективный оценочный

феномен. Подлинный террорист современности – это тот, кто не только не скрывает своих субъективных (подлинных или вымышленных) террористических замыслов, мотивов и целей, но и гордится ими, даже если не склонен называть себя террористом. Существуют три основных субъективных состояния, которые являются факторами террора куда в большей степени, нежели непосредственное террористическое действие. Первое – это то, что наши мотивы должны содержать элемент иррациональности, а следовательно, непредсказуемости с точки зрения противника. Такая иррациональность может одновременно выглядеть как высшая рациональность самого Бога или справедливости, недоступная для коррумпированного разума. Второе – средства террора должны быть подлинно устрашающими, но не в обыденном смысле этого слова; они должны нести в себе то, что можно назвать «террористической деперсонализацией». Иными словами, помимо страха как угрозы жизни и здоровью, средства должны быть устрашающими в смысле унижения, деградации и позора. Это страх унижительной и позорной смерти, подобный тому, как в Древних Афинах казненных преступников не предавали земле, но бросали в общую яму. Сообщение, транслируемое террористами посредством своих действий, заключается в том, что противники есть изверги рода человеческого и недостойны человеческого обращения, и ровно поэтому должны быть подвергнуты террористической деперсонализации посредством наиболее унижительного насилия. Достигается это двояким способом: во-первых, унижительной смертью в прямом смысле этого слова, когда разорванное тело противника смешивается с асфальтом и бетоном, во-вторых, в ценностном смысле, когда ценности противника смешиваются с грязью. «В этом регистре насилие стремится не только нанести вред, но унижить и не только унижить непосредственную жертву, но также всех, кто видит в действиях жертвы выражение своей политической веры» [Kahn 2008]. Третьим субъективным компонентом терроризма являются его цели, также транслируемые посредством методов террора. Это цель абсолютной вражды, абсолютного уничтожения всех конкретных виновных индивидов поименно и без сожаления. Как об этом пишет Карл Шмидт, такова логика войны *iusta causa* (справедливого дела) в отсутствии *iusta hostis* (справедливого противника). Именно на этом основано действие гуманитарного терроризма. Для него не существует традиционного уважения к врагу, как не существует его и для

«справедливой» войны, из которой непосредственно вытекает гуманитарный терроризм и абсолютная война. «В мире, где партнеры, таким образом, взаимно врываються в бездну тотального обесценения, перед тем как они физически уничтожат друг друга, должны возникнуть новые разновидности абсолютной вражды. Вражда станет настолько страшной, что, вероятно, нельзя будет больше говорить о враге или вражде, и обе эти вещи даже с соблюдением всех правил прежде будут запрещены и прокляты до того, как сможет начаться дело уничтожения. Уничтожение будет тогда совершенно абстрактным и абсолютным. Оно более вообще не направлено против врага, но служит только так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно, никакая цена не является чрезмерно высокой» [Шмитт 2007, 143].

Революционный терроризм якобинцев

Первоначальный смысл слова «террор», как, впрочем, и фразы «враг человечества», был связан с идеей глубокого преобразования человечества посредством насилия. Террор был общим названием для всего периода с сентября 1793 г. по июль 1794 г., когда якобинцы сделали террор главным орудием подавления политических противников внутри страны. Риторика якобинцев представляла террор в качестве неизбежного и необходимого средства и механизма прогресса, посредством которого только и могут утвердиться гуманистические ценности просвещения: свобода, равенство, братство и справедливость для всех. Противники революции представлялись в качестве врагов человечества и должны были быть уничтожены безотлагательно и безжалостно. Считалось, что для того, чтобы сокрушить противников человечества окончательно и бесповоротно, должна вестись беспрецедентная по своим масштабам и абсолютности война, поскольку это величайшая, справедливейшая и окончательная, по сути эсхатологическая битва, которая сокрушит силы зла и приведет к торжеству силы добра. Манихейская идея подпитывала и манихейскую теорию справедливости войны. Человеческая история есть почти полностью история террора, но терроризм, в особенности терроризм гуманитарный, зародился только в условиях Модерна и был продуктом Просвещения. Речь теперь шла не только и не столько о терроре, но о терроре коммуникативном. Коммуникация эта заключалась в трансляции

посредством мотивов, средств и целей революционеров. Мотивы эти основывались на ценностной рациональности (которая должна была восприниматься как иррациональность реакционерами), мотивы были мотивами безжалостными и уничижительными, а цели – абсолютными. Иными словами, реакционеры должны были подвергнуться мифологизированному состоянию «до-Модерна», состоянию террора и пыток (что тоже являлось мифом, поскольку Модерн являет миру куда более насильственное состояние общества). При этом террористы действовали в полном соответствии с самопровозглашенным революционным правом, которое представлялось им вершиной естественного права. Террор объявлялся самым революционным государством и основывался на видимой монополии на насилии. Но закон этот был в высшей степени упрощенческим и неполноценным, если не сказать садистским, не имеющим ничего общего с нормами процедурной справедливости. Как писал об этом современник событий, Эдмунд Берк, миллионы дьяволов ада, называемые террористами, были выпущены на свободу [Берк 1993]. Именно эти слова и дали Достоевскому название его романа – «Бесы». Терроризм с самого начала означал не что иное, как действия политического государства, осуществляющего политический террор в отношении противников, а не противоправные действия группы радикалов, что стало чертой терроризма впоследствии.

Русский индивидуальный террор конца XIX – начала XX вв.

Французский революционный террор был подхвачен и развернут революционерами по всей Европе. Единственное различие заключалось в том, что это был терроризм групп радикалов. Классической формой такого терроризма обыкновенно считают именно русский революционный терроризм, представленный группами «Земля и Воля» и «Народная Воля». Это были две террористические группировки, которые в соответствии со своими программами осуществляли преобразование российского общества посредством убийств правительственных чиновников. Правительственное насилие должно было встретить отпор в ответном насилии революционеров, и террор должен был стать главным оружием.

Окончательное выражение этот процесс нашел в деятельности партии социалистов-революционеров, которая сделала индивидуальный террор стержнем всей своей программы [Friedlander 1997].

Во многих отношениях русский революционный терроризм был лишь копией французского революционного терроризма, но только в форме небольших групп, направляющих удары против правительства. Революционеры не могли рассчитывать победить правительство в открытой войне, но могли направлять на членов правительства точечные удары, устраняя наиболее одиозных функционеров, планируя тем самым вызвать всеобщий страх и паралич правительства. Эти точечные убийства стали возможны благодаря технологическому прогрессу. «Другим фактором, который значительно способствовал усилению насилия в империи, был фактор научного прогресса и технических инноваций, которые значительно упростили производство оружия для террористов и основных взрывчатых устройств» [Geifman 1993, 16]. Этими факторами были динамит, револьвер, телеграф, железная дорога и авиация. Более того, террористы мечтали о дроне, как оружию своей мечты: «Фантазии на этот предмет нередко распространялись на отдаленные схемы, включая создание летательного аппарата, который мог бы сбрасывать бомбы на Зимний дворец» [Geifman 1993, 17]. Эти инновации сводили на нет многократное превосходство в силе, принадлежавшее правительству, особенно если мы примем во внимание, что устаревшие представления о чести не давали представителям дворянства возможности предпринять необходимые меры предосторожности.

Подобно своим якобинским собратьям, эти террористы пребывали «в поисках человечества». Они не только провозглашали величайшую справедливость цели, но и ограничивали себя точечными убийствами. Они были уверены в своем праве выносить смертные приговоры и пользовались «высочайшим правом» — «правом унижать»³. Эти убийства действительно вызывали парализующий страх среди чиновников и, поскольку общественность нередко симпатизировала террористам, это было также еще и унижительным террором. Все это делало террор достаточно театральным. Террористический эффект достигался отнюдь не только посредством страха смерти. Это был также страх публичного унижения и позора. Сама по себе смерть от рук террориста была позорной не только по причине того, что бомбы нередко смешивали тело с грязью, но еще и потому, что все это оскорбительно походило на смертный приговор, провозгла-

³ В романе Достоевского Петр Степанович Верховенский замечает между делом, что право унижать есть величайшее право революционера.

шенный некоей квазилегитимной властью. В этом и заключался главный фактор террора не только с точки зрения целей, но и с точки зрения средств. Один из террористов, Николай Морозов, писал: «Массовые революционные движения, где люди нередко встают друг против друга в силу простого недоразумения, где народ убивает своих собственных детей, в то время как их враги из безопасного убежища наблюдают за их гибелью, — она заменяет рядом отдельных, но всегда бьющих прямо в цель политических убийств. Она казнит только тех, кто действительно виновен в совершающемся зле. Террористическая революция представляет поэтому самую справедливую из всех форм революций» [Морозов 1880, 7–8]. Гуманитарные ограничения были вполне серьезными, вплоть до угрозы успеху операции. В то же время революционеры оставались все теми же самыми «бесами» французской революции, и Достоевский гениально показал бесовскую сущность такого гуманитарного активизма. Наиболее печальной из черт террористов было безразличие к человеческой жизни и личностная гордыня, что детально подтверждается Достоевским. Достоевский показывает отсутствие морального права террористов на совершение убийства. Они не представляют народ, и их мотив заключается в мстительной злобе. Они движимы исключительно ненавистью и неприязнью к собственному народу, который они совершенно не понимают, претворяя в жизнь маниакальную идею осуществления революции. На их стороне не было даже той квазилегитимности, которую могли приписать себе французские революционеры, и возможно по этой причине, у многих авторов мы находим описание некоторого странного чувства стыда, присущего многим из революционеров. Этот стыд происходил по той простой причине, что убийства, совершаемые ими, были все же весьма неблагородного свойства [Савинков 2004]. Это затруднение было преодолено посредством своеобразной концепции искупления, включенного в этический катехизис революционера. Поскольку революционеры, так или иначе, должны пасть в борьбе, моральное искупление будет осуществлено актом самопожертвования.

Американские дроны-убийцы

Современная американская война посредством дронов представляет собой не что иное, как вершину гуманитарного терроризма. Этот терроризм продолжает наследие французского револю-

ционного террора и является продуктом Модерна. Он смешивает и объединяет основные черты французского и русского революционного террора, но при этом утрачивает многое: концепцию искупления русского терроризма (поскольку операторы дронов не подвергаются риску) и квазилегитимность французского терроризма. Подобно французскому терроризму, это есть терроризм государственный, но который действует на чужой территории и нарушает международное право. Небольшая смертоносная машина под названием «дрон» может осуществить то, что не способна традиционная военная операция. Первое известное нам убийство было совершено в ноябре 2001 г., когда дрон типа «Хищник» убил Мухаммеда Атефа, командующего Аль-Кайды в Афганистане. В дальнейшем именно на дроны была сделана вся ставка в контртеррористической операции США в Центральной Азии. Ник Хелветт утверждает: «Война дронов представляет собой новейший пример государственного терроризма, где “подозреваемые в террористы” могут быть убиты в некоторых случаях без суда и предоставления доказательств их участия в террористических актах, не говоря уже о следствии; более того, неизвестные сопровождающие лица тоже могут быть убиты в то же самое время в качестве того, что эвфемистически называется “сопутствующим вредом”, что означает в любом понимании смерть невинных людей, женщин и детей» [Hewlett 2016, 147]. Гражданские потери могут быть весьма значительны, но даже если точность была совершенной, это все же терроризм и проявление абсолютной войны. Две главные особенности делают этот терроризм гуманитарным. Во-первых, это провозглашенное правовое дело, которое имеет отдаленное отношение к самообороне. Даже если это самооборона, это оборона Америки как исключительной державы, уверенной в своем исключительном праве продолжательницы наследия Просвещения и Модерна. Американская миссия заключается в экспорте демократии по всему миру.

Точечные убийства представляют собой не только вершину асимметричной войны без потерь (разумеется только для преобладающей стороны). Операторы беспилотных летающих машин направляют свои удары на незащитных людей. Они не подвержены риску и скорее напоминают палачей, нежели военных пилотов. Однако они не испытывают даже тех угрызений совести, которые временами испытывали русские террористы и не проявляют потребности в искуплении. Они есть убийцы в простом и

чистом смысле этого слова, и их война не является войной. Война дронов – это терроризм в чистом виде, представляющий собой вершину развития логики и практики террористической войны. Война может считаться таковой лишь до тех пор, пока в ней существует риск жизни для нападающего, лишь до тех пор, пока она оставляет хотя бы минимальную возможность проявления мужества и благородства. Эта война не может даже увенчаться победой, хотя и может быть успешной по той простой причине, что это не война. Подобно якобинскому террору, это терроризм, основанный на предполагаемой легитимности государства. Тем не менее война незаконна с точки зрения международного права, поскольку ведется на чужой территории без официального объявления войны, и она нарушает важнейшее право человека – право на жизнь и справедливый суд. Подобно русскому революционному терроризму, этот терроризм предпринимает точечные казни, которые не являются, строго говоря, законными. Подобно французскому и русскому терроризму, американский терроризм представляет собой уникальное сочетание субъективных мотивов, средств и целей. Этот набор коммуникативен в такой же степени, как и соответствующий набор террористов более раннего периода. Мотивы этого терроризма не представляются достаточно рациональными и воспринимаются как мстительная злоба и откровенный садизм. Мотивы эти являют собой послание всему миру о безмерной мощи, возможностях и глобальном суверенитете Америки. Средства унижительны, особенно учитывая традиционные представления о чести. Предполагаемые террористы преследуются подобно диким животным и подвергаются уничтожению подобно вредным насекомым, и именно в этом содержится главное послание. Цели есть цели абсолютной вражды и бесконечной войны. Здесь можно согласиться с Д. Россом: «Война с террором формулируется как потенциально бесконечная борьба против бесконечно растянутого противника, которая проникает через все границы и населяет все сферы. Новая ситуация существенно милитаризирована, суверенитет отдельных государств менее значим, чем объединенная и скоординированная система “безопасности”. Такая система может быть сконцентрирована в США, но тем не менее предполагает планетарные меры безопасности, которые проникают во все частные страны. Развитие этой системы безопасности предполагает свои собственные средства, логику и автономию, неограниченную концептом суверенитета»

[Ross 2004, 2]. Речь по сути идет о создании концепции глобального суверенитета. Было также показано, что цели не предполагают компромисса, как это обычно бывает в войне между государствами, – это цели полного уничтожения противника. В результате те, кто живет под дронами, испытывают постоянное ожидание смертельного удара и ощущение своей беспомощности. В довершение американская практика нанесения многократных ударов по одной и той же цели и свидетельства тех, кто пытался спасти жертвы, заставляет окрестных жителей и гуманитарные службы воздерживаться от оказания помощи. Многие жители деревень стараются не собираться в группы, включая и необходимые общественные собрания, из опасения привлечь внимание операторов дронов [Chomsky, Vltchek 2017].

Гуманитарный терроризм такого рода следует считать имморальным не потому, что он недостаточно справедлив, но потому что он представляет собой терроризм. Гуманитарный терроризм такого рода открывает простор для беззакония, становящегося скорее нормой, нежели исключением, каковой всегда являлась война. Крепс и Кааг делают верное заключение: «Развитые технологии позволили государствам ограничить нежелательные последствия целенаправленного насилия, но способность предпринимать более точные, целенаправленные удары не следует путать со стремлением к юридической и этической легитимации» [Kreps, Kaag 2012, 276]. Законная и этическая легитимация как раз отсутствует в подобных террористических актах. Они низводят людей до уровня средства и лишают человеческого достоинства. Это подтверждает и соответствующая риторика. Например, в 2001 г. президент Буш сообщил: «Я верю в наши вооруженные силы. И у нас есть важная работа – подобно тому, как она есть у фермеров, заводских рабочих и бизнесменов... нам следует очистить мир от носителей зла» [Kreps, Kaag 2012, 277]. Устранение зла с лица земли – это и есть та самая туманная и устрашающая цель, которая лежит в основании всякого терроризма. Даже атомная атака на Хиросиму еще не была терроризмом в полном смысле этого слова, поскольку целью было выиграть войну, но не искоренить зло как таковое. Для французских, русских и американских террористов речь шла именно об уничтожении зла, представленного вполне конкретными индивидами, которые, иными словами, этим злом «одержимы», и именно в этом заключаются главные признаки абсолютной войны. Война дронов исключает возмож-

ность компромисса и превращается в постоянную войну. Список моральных проблем подобной войны может быть продолжен. Война дронов – это проявление войны абсолютной, которая не знает различия между войной и терроризмом. В довершение это – именно гуманитарный терроризм. Непосредственным результатом действий является, скорее, не подавление терроризма, но появление все новых и новых террористов, которые приходят мстить за погибших собратьев и унижение. Примирение и компромисс становятся все менее и менее возможны, и состояние абсолютной войны поддерживается бесконечно.

Заключение.

Военные технологии и столкновение гуманитарных терроризмов

Гуманитарный терроризм возникает как закономерный процесс. Он является следствием одновременно трех логик. Логика теории справедливой войны предполагает реализацию принципов *ius ad bellum* и *ius in bello*, т.е. требует морально оправданной и предельно точечной войны. Он является развертыванием логики самой войны. Война стремится снизить потери своей стороны и сделать максимально точными удары по противнику. Новые военные технологии делают это возможным. Гуманитарный терроризм является следствием логики самого терроризма. Всякий терроризм стремится к гуманитарному обоснованию и, по возможности, наказанию непосредственно виновных. Результатом является утрата войной своего компонента силы, стратегии и случая и обретение ею компонента террора.

При этом моральные проблемы гуманитарного терроризма не в том, что он гуманитарный, но в том, что он терроризм. Я отмечу три главных проблемы. Первая заключена в том, что это проявление абсолютной вражды. Моральное зло такой вражды имеет те же причины, по которым Кант запрещал использование наемных убийц в ходе войны, а именно по той причине, что это делает взаимную уверенность в последующем мире невозможной [Кант 1994, 365]. Использование наемных убийц или точечное убийство при помощи дронов ввергает нас в состояние абсолютной войны. Если война не является войной, объявленной и не привязанной к политической сфере, она легко может выйти за рамки всяких мер и приличий и уже не подлежать разрешению посредством переговоров. Гуманитарный терроризм ввергает мир в состояние постоянной войны без компромисса и примирения. Прежняя традиционная межгосударственная война, при всей ее жестокости, напоминала шахматную игру. Она могла быть разрешена

посредством политического маневра, поскольку хотя предполагала убийства, не предполагала личной вражды между комбатантами. Даже терроризм неизбирательных нападений на гражданских лиц в некотором смысле лучше гуманитарного терроризма, потому что не предполагает личной и индивидуальной вражды. Посредством гуманитарного терроризма либеральные государства открывают простор для гуманитарного насилия, предполагающего полное бесправие одних и полную власть других.

Во-вторых, следует иметь в виду, что ненависть и вражда не только социально разрушительны, но и коварны. Раз возникнув, они способны создавать нормативную среду по своему образу и подобию, оправдывая вражду как вражду справедливую и подерживая бесконечное состояние войны. Возникающие при этом частные концепции справедливости и даже теория справедливой войны как таковая являются продуктом мстительной злобы и проявлением манихейского сознания. Следствием является то, что Маркс называл «ложное сознание», сознание, обслуживающее оправдание войны как объективной ценности. Теория справедливой войны может быть таким ложным сознанием, не важно идет ли речь о войне вообще или о справедливости всякой частной войны. Никакая современная война не может быть войной справедливой. Думаю, что глобальные эпидемиологические, экологические и экономические проблемы это достаточно показали и не стоит тратить время на доказательства. В то же время любая война создает свой собственный миф в целях поддержания желания и стремления убивать и разрушать. Подобная справедливость есть не только атавизм низменной природы человека, но и способ поддержания ее в этом состоянии.

В-третьих, гуманитарный терроризм вырастает из «справедливой» войны, но остается при этом терроризмом. В этом своем качестве он полностью лишен всех важнейших свойств и характеристик войны, в особенности тех, которые способны делать войну в кантовском смысле «возвышенной»⁴ [Кант 2011, 299]. В условиях гуманитарного терроризма война сливается со своими менее достойными собратьями по цеху насилию: терроризмом, геноцидом, преступным насилием. Родимыми пятнами любого терроризма являются отсутствие рыцарства, достоинства, чести и невозможность победы. Победоносный терроризм невозможен, как невозможен и победоносный геноцид, по той причине, что мы просто не применяем термин «победа» для подлого убийства,

⁴ В «Критике способности суждения» Кант отмечает: «Даже война, если она ведется правильно и со строгим соблюдением гражданских прав, содержит в себе нечто возвышенное...» [Кант 2001, 299].

даже если это множественные убийства. Война предполагает риск, мужество, благородство, и только в этом случае она может быть увенчана победой. Террорист может демонстрировать некоторые воинские добродетели, но их явно недостаточно, и они окрашены в иной тон. Терроризм есть прежде всего хладнокровное убийство безоружного человека без всякого риска для себя. В этом смысле он представляет собой, по выражению Л.Н. Толстого, самое отвратительное из возможных убийств. В том случае, если гуманитарный терроризм окончательно и бесповоротно заменит собой войну, это будет только означать окончательную деградацию войны [Кашников 2020].

Существует вероятность, что дальнейшая трансформация войны будет означать полное и окончательное вытеснение компонента возвышенной силы и подмену ее гуманитарным терроризмом, учитывая, что войны по преимуществу становятся теперь асимметричными. В этом случае война как таковая будет означать не более чем столкновение терроризмов. Следует понимать, что гуманитарный терроризм есть вопрос меры и степени. Точно также, как может быть больше или меньше терроризма, который присутствует во всякой войне, может быть больше или меньше гуманитарности или справедливости, которые тоже присутствуют всякой войне. Полный гуманитарный терроризм (терроризм справедливых целей и ограниченных средств) могут себе позволить немногие – только преобладающая сторона современной асимметричной войны при наличии высоких военных технологий. В конце концов, мы можем предугадать возникновение совершенных военных технологий, которые позволят стирать с лица земли всякого неугодного индивида посредством набора его генетического кода на специальной клавиатуре. В этом случае и слабая сторона асимметричной войны вряд ли останется в долгу, как она не остается в долгу уже и сейчас, поскольку единственной возможностью сопротивления для слабой стороны будет только прямолинейный терроризм неизбирательных атак на гражданских лиц враждебной стороны. Но в этом случае, в полном соответствии с теорией справедливой войны, нам придется присвоить даже и такому терроризму статус гуманитарного, как войне «крайней необходимости»⁵ [Walzer 2000]. Порочный

⁵ Уолцер заявляет о том, что состояние «крайней необходимости» позволяет отбросить гуманитарные ограничения *ius in bello* во имя высших целей гуманизма. В этом случае, учитывая, что терроризм – это всегда, с точки зрения террористов, чрезвычайная необходимость, различие между двумя разновидностями терроризма полностью исчезает и всякий терроризм становится гуманитарным.

круг тем самым замыкается. В условиях асимметричной войны, а современные войны как правило асимметричные [Gross 2010], война не только переходит в состояние войны абсолютной, но и в состояние глобального столкновения терроризмов.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Берк 1993 – *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. – М.: Рудомино, 1993.

Гроций 1994 – *Гроций Г.* О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994.

Кант 1994 – *Кант И.* К вечному миру // *Кант И.* Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 1: Трактаты и статьи (1784–1796). – М.: Ками, 1994. С. 354–477.

Кант 2001 – *Кант И.* Критика способности суждения // *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 4. – М.: Наука, 2001.

Кашников 2019 – *Кашников Б.Н.* Теория справедливой войны. Критика основных начал // *Этическая мысль.* 2019. № 2. С. 152–68.

Кашников 2020 – *Кашников Б.Н.* Глобальный суверенитет и моральная деградация войны // *Вопросы философии.* 2020. № 2. С. 14–25.

Морозов 1880 – *Морозов Н.А.* Террористическая борьба. – Лондон: Русская типография, 1880. С. 7–8.

Савинков 2004 – *Савинков Б.* Конь бледный. Конь вороной. – М.: Терра-Книжный клуб, 2004.

Шмитт 2007 – *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. – М.: Праксис, 2007.

Chomsky, Vltchek 2017 – *Chomsky N., Vltchek A.* On Western Terrorism. From Hiroshima to Drone Warfare. – London: Pluto Press, 2017.

Devji 2008 – *Devji F.* The Terrorist in Search of Humanity: Militant Islam and Global Politics. – New York: Columbia University Press, 2008.

Friedlander 1977 – *Friedlander R.A.* The Origins of International Terrorism // *Terrorism. Interdisciplinary Perspectives* / ed. by A. Yonah, S.M. Finger. – New York: McGraw-Hill, 1977. P. 30–45.

Geifman 1993 – *Geifman A.* Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. – Princeton: Princeton University Press, 1993.

Gross 2010 – *Gross M.* Moral Dilemmas of Modern War. Torture, Assassination, and Blackmail in the Age of Asymmetric Conflict. – Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2010.

Hewlett 2016 – *Hewlett N.* Blood and Progress. Violence in Pursuit of Emancipation. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.

Kahn 2008 – *Kahn P.* Sacred Violence. Torture, Terror and Sovereignty. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008.

Kreps, Kaag 2012 – *Kreps S., Kaag J.* The Use of Unmanned Aerial Vehicles in Contemporary Conflict: A Legal and Ethical Analysis // *Polity.* 2012. Vol. 44. No. 2. P. 260–285.

Ross 2017 – *Ross D.* Violent Democracy. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.

Walzer 2000 – *Walzer M. Just and Unjust Wars* / 3rd ed. – New York: Basic Books, 2000.

REFERENCES

Burke E. (1993) *Reflections on the Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London Relative to that Event*. Moscow: Rudomino (Russian translation).

Chomsky N. & Vltchek A. (2017) *On Western Terrorism. From Hiroshima to Drone Warfare*. London: Pluto Press.

Devji F. (2008) *The Terrorist in Search of Humanity: Militant Islam and Global Politics*. New York: Columbia University Press, 2008.

Friedlander R.A. (1977) The Origins of International Terrorism. In: Al-exaner Y. & Finger S.M. (Eds.) *Terrorism. Interdisciplinary Perspectives* (pp. 30–45). New York: McGraw-Hill.

Geifman A. (1993) *Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894-1917*. Princeton: Princeton University Press.

Gross M. (2010) *Morall Dilemmas of Modern War. Torture, Assassination, and Blackmail in the Age of Asymmetric Conflict*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Grotius H. (1994) *On the Law of War and Peace*. Moscow: Ladomir (Russian translation).

Hewlett N. (2016) *Blood and Progress. Violence in Pursuit of Emancipation*. Edinburg: Edinburg University Press.

Kahn P. (2008) *Sacred Violence. Torture, Terror and Sovereignty*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Kant I. (1994) Perpetual Peace. In: Kant I. *Works in German and Russian* (Vol. 1, pp. 354–477). Moscow: Kami (Russian translation).

Kant I. (2001) *Critique of Judgement*. In: Kant I. *Works in German and Russian* (Vol. 4). Moscow: Nauka (Russian translation).

Kashnikov B.N. (2019) Theory of Just War. The Critique of the Foundations. *Ethical Thought = Eticheskaya mysl'*. Vol. 19, no 2, pp. 152–168 (in Russian).

Kashnikov B.N. (2020) Global Sovereignty and Moral Degradation of War. *Voprosy filosofii*. No. 2, pp. 14–25 (in Russian).

Kreps S. & Kaag J. (2012) The Use of Unmanned Aerial Vehicles in Contemporary Conflict: A Legal and Ethical Analysis. *Polity*. Vol 44, no. 2, pp. 260–285.

Morozov N.A. (1880) *Terrorist Struggle*. London: Russkaya tipografiya (in Russian).

Ross D. (2004) *Violent Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Savinkov B. (2004) *Pale Horse. Black Horse*. Moscow: Terra – Kniznyy klub (in Russian).

Schmitt C. (2007) *The Theory of the Partisan: A Commentary/Remark on the Concept of the Political*. Moscow: Praxis (Russian translation).

Walzer M. (2000) *Just and Unjust Wars* (3rd ed.). New York: Basic Books.